

НА ЧЕРДАКЕ ЗАБЫТОЙ ДАЧИ

Михаил Александрович Калашников родился в 1985 году в селе Белогорье Подгоренского района Воронежской области. Окончил исторический факультет Воронежского государственного педагогического университета. Работает помощником начальника караула в пожарно-спасательной части. Член Союза писателей России, автор трёх книг прозы, публиковался в журналах «Подъём», «Наш современник», «Сибирские огни» и др. Лауреат региональных литературных премий «Кольцовский край» (2016), «Щит и меч Отечества» (2017), премии имени Е. Исаева (2020), дипломант литературного конкурса «Во славу Бориса и Глеба» (2021). Живёт в Воронеже.

Двор и впряду зрос. Отец нудно твердил кждый день: «Колочки небось уже до с мой крыши торч т», — и день ото дня н доед л Русл ну, требуя от него поездки в ст рый дедовский дом. Последние годы отец ездил сюд н всё лето, но в эту весну сильно сд л, потому и посыл л Русл н .

Любовь к «отчине» просну- л сь у отц после похорон, пок дед был жив, отец тоже был неч стым гостем в его доме. Теперь же постоянно з зыв л с собой Русл н , просил отпустить с ним внуков, Русл н отгов рив л ся м ссой причин, но детей своих не удержив л. Дети не ех ли с ми, — чего они не видели в этой деревне? Один р з, когд отец в очередной р з возмutilся, Русл н ответил д вней з готовкой: «Что ж с м-то не ездил, когд дед жив был?» Отец помр чнел, осунул ся: «Я, может, тебя и зову з тем, чтоб ошибки ты моей не повторил».

Русл н не был здесь лет де-
сять, со времён дедовых поми-
нок. Дом поблёк, больше врос
в землю, или высок я тр в т к
его укоротил . Рог ч нтенны
повис, сорв нный ветром, н ве-
р нде не хв т ло стекл . Кр ск
с дощ тых стен облезл , шелу-
шил сь и топорцил сь. Водо-
сточные трубы и к рниз з било
п лой листвою, во многих мест х
жестянк прорж вел . Бушев л
июньск я зелень, в ней — ми-
ри ды жителей.

С трудом продр вшись через
бурьян к с р ю, Русл н открутил
проволеку, освобод я дверную
щеколду. Отыск в косу, топор,
с довый сек тор и серп, он пе-
ределся в то, что з хв тил с со-
бой. Р бот н ч л сь с дорожек:
к колодцу, к летнему душу, к ту-
лету, к хозяйственным построй-
к м. Ч с через дв со стороны
т нцплощ дки послыш лись зву-
ки электрогит р и глухой треск
уд рных. Местный ВИА н стр -
ив л инструменты, подключ л
пш р туру, готовясь к т нц м.
Улицей потянул сь молодёжь,
в воздухе полыхнуло женскими
дух ми и болг рскими сиг рет -
ми. Русл н с косою в рук х до-
шёл до к литки, очистил от тр -
вы небольшой пят чок у ворот и
услыш л у себя з спиной:

— Ну вот, теперь хоть белый
свет в соседском дворе проявил-
ся.

Русл н обернулся, з сте-
блями ещё не скошенной тр вы
стоял соседк В лентин . Её
родители жили з бор в з бор с

покойным дедом, В лентин с
Русл ном дружили с детств .

— Привет, В люх !

— К кими судьб ми? Н дол-
го ли? — не скрыв л р дости
соседк .

— Д вот отцовское н ст вле-
ние выполняю. Н пятич совом
приех л.

— Поди, не ужин л ещё?

— Дум л, з кончу, пригото-
влю чего-нибудь.

— Перелез й ко мне, с л т с
обед ост лся, сейч с яишенку
быстро пож рю.

— Ну, спсибо, соседк , — не
противился Русл н и, р здвинув
высокую тр ву, переш гнул по-
косившийся шт кетник.

— К к живёшь, р сск зыв й!
— говорил В лентин н ходу.

— Д потихоньку. Н з воде,
к к и р ньше. Отпуск через не-
делю. Детвору по л герям р спи-
х л.

— Во-во, и я своих н две сме-
ны отпр вил .

Они прошли между вишен
в п лис днике, свернули к вре-
мянке. Пёс, почуяв пришлого,
с тихим рыч нием побег л от
будки, и когд цепь н тянул сь
— з хлебнулся л ем. В лентин
плеснул в него водой из круж-
ки. Тот увернулся, рвякнул п ру
р з и скрылся в будке. Н против
временки торч л ст р я яблоня
с могучими ветвями. Под её кро-
ной поместились ов льный стол,
деревянн я л вк с резной спин-
кой и п р т буретов.

— А бл говерный твой где? —
спросил Русл н, прис жив ясь.

— Н кл дбище. Ты не зн л, что ли? — отвеч л В лентин из времянки, где уже шипело н сковороде р стительное м сло.

— Д , отец говорил... я только теперь вспомнил.

— Четвёртый год уж пошёл. Током в «Сельхозтехнике» убило.

— Пл тят з него что-нибудь?

— П ц н м н одёжку хв т - ет.

В лентин вынесл из времянки сковороду, глубокую миску овощного с л т , т релку с хлебом и пирожк ми, молоко в цвет стом кувшине.

— А что ж отец не приех л? Приболел, не ин че?

— Т к и есть, в к рдиологии лежит.

— То-то я в м е ещё говорю: обычно н П сху приезж л, тут его нет. Д и т к, среди лет , гляжу — опять н кл дбище под лся. Сидит у дед Георгия возле могилки, н гробничку смотрит, будто р згов рив ет д же.

— Д , полюбил он дедов дом.

Русл н хотел ещё что-то до б вить, потом подум л, что не нужно это В лентине, з мялся н полуслове. Он з метил , вы ручил :

— Ч йник ст вить?

— Не нужно. Я в ж ру ч й не особо.

— А я зн ешь, всё вспомин ю, к кой ч й необыкновенный у твоего дед получ лся! С мов р возле беседки ст вил, мои ст рики к твоим приходили, Веденевы, Полик рповы. Всеи улицей

дружили. Пр здники все вместе. Сейч с не т к к к-то, д ? У н с уже не то. Нет той сп йки, что у них. А н ши дети, к к дум ешь?

— А? — отвлёкся Русл н н к кие-то свои мысли. — Д бог его зн ет, к к дети... тут про себя и то не р зберёшь.

Помолч ли. Русл н з мер с з стывшим взглядом и недожён- ной пищей во рту.

— О чём з дум лся?

Русл н секунду медлил, потом выд вил:

— Дум ю с мов р дедов поис- к ть. Н черд ке, н верное.

— Доел уже?

— Аг . Схожу, гляну, может, в ляется где. З в рим «ч йков- ского» по-ст ринному.

Русл н з бр лся н черд к. Слуховое окошко, з тянутое пылью, едв пропуск ло блё- клый свет н ч вшихся сумерек. Р мы детских велосипедов здесь в лялись вперемешку со стоп - ми м кул туры и ворох ми к - ких-то высохших (может, и целебных) тр в. Н стропил х висели истлевшие осиные гнёзд в б хроне потемневшей п ути- ны. Русл н з глянул в плетёную корзину — в ней хр нились пу- стые б нки для солений, — от- крыл сундук, з битый ст рой обувью, р здвинул полы своей рмейской шинели, подвешенной к потолку. С мов р н шёлся з кучей иссохшей дерезы, приго- товленной покойным дедом для мётел. Русл н потянул с мов р к себе, с трубы его слетел с пог, из голенищ (или всё-т ки из

с мов рной трубы) вып л тетр дь. Русл н опустил с мов р и придвинулся ближе к окошку. Н обложке крупным почерком с ятями и твёрдыми зн к ми зн - чилось:

*Записки в солдатский сапог.
Начаты в лето 1915 года.*

Открыв первую стр ницу, Русл н увидел испис нные ровным почерком строки, всё той же ст ромодной гр мм тики. В полутьме с трудом чит лось:

Приветствую человека, умеющего читать на кириллице! Я не знаю, молод ты или стар, беден или богат, мужчина ты или женщина, к какому сословию принадлежишь, но первое, что ты спросишь, будет: зачем я, автор, завёл эту фронтную тетрадь? Как писал в своё время А.П. Чехов, если в человеке поселяется «писательский зуд», то его не выбить розгами и не убрать добрым словом. У меня же этот «зуд» зародился с первых дней пребывания на фронте. Появилась странная тяга записать всё, что мне приходилось видеть. И вот, когда в февральском номере «Биржевых ведомостей» мне попались «Записки кавалериста» Н. Гумилёва, я решил начать свои «Записки в солдатский сапог».

Русл н з хлопнул ветхую тетр дь и глянул через окошко, вздрогнувшее от резкого гит рного

рифф , взятого кем-то н сцене т нщплощ дки. Н улице почти стемнело, и с м он обезлюдел . Русл н снов попыт лся р ссмотреть з писи, но тусклые буквы совсем исчезли.

Русл н отнёс тетр дь в д льную комн ту. Последние дни дед дожив л здесь, н дужке кров ти до сих пор висел тр урный чёрный лоскут. Русл н сунул тетр дь под подушку.

— Куд проп л? — встретил В лентин з позд вшего соседа . — Дум л , уже не придёшь. Успел и в душ сходить, и в продуктовый з м рмел дом.

— Н силу н шёл, — ответил Русл н, пок зыв я н с мов р. — Н черд ке чёрт ногу сломит. Т кое ст рьё, что выбросить не ж лко. Пор мне т м порядок н вести.

Он н брос л в трубу с мов р г зетных неплотно сж тых комков, сверху н сып л немного щепы и кинул з жжённую спичку. Воздух н д трубой з дрож л, щепки весело з трещ ли. В лентин вынесл в зу со сл достями и ч шки с блюдц ми, сел рядом. Русл н изредк подбр сы в л в трубу по одной щепке.

Бледно-розовый з к т выглядыв л из-з ветвей могучего вяз , стоявшего н против дом В лентины. В полдень он н кры в л тенистой ш пкой весь двор, н половину перекрыв я д же двор Русл н . С т нщплощ дки плыл неторопливый ром нтичный шлягер, у н гретого с мов р полз л опрокинутый м йский жук, рыжие его сотов рищи

гудели где-то меж ветвей. В жу-
к х тоже бурлил кровь (или что
т м течёт у н секомых по их жи-
л м?). Молод я, весенняя.

Не глядя н Русл н , В лен-
тин спросил :

— Может, вместо ч я чего
покрепче жел ешь с уст тку?

— Нет, В люш, не н до.

Что-то тяготило Русл н , не
д в ло вдохнуть ром тный воз-
дух полной грудью. Рюмки не
хотелось, и ч й уже был не в р -
дость. Он ч сто открыв л крыш-
ку с мов р , светил фон риком,
и к к только со дн поползли
первые пузырьки, ском ндов л:

— Д в й з в рник.

Он пост вил з литый ч йни-
чек н деревянную подст вку,
н крыл б йковым снеговиком,
сшитым В лентиной из ст рога
одеял .

— Ну, чего сидим, к к н
похорон х? — не выдерж л
В лентин . — Р сск з л бы че-
го-нибудь.

— Зн ешь, В ль, что-то т к
в сон кинуло, — искусственно
зевнул Русл н , — уже и ч ю не
хочется. Пойду, н верное, з в -
люсь...

— Что ж, д в й. З втр уез-
ж ешь-то?

— Погляжу, может, где гвоздь
вобью. Антенн вон почти ото-
рв л сь.

Русл н з жёг н стольную
л мпу, откинув шторку, р ство-
рил форточку. Отгуд з летел
прохл дн я свежесть, ст р -
тельный треск сверчк и, совсем
приглушённо, — новый шлягер с

т нцплощ дки. Из-под подушки
был вынут помеш вш я ч эпи-
тию тетр дь. Русл н н шёл ме-
сто, где з кончил. Буквы мест -
ми сильно выцвели.

*Начну с того, что я, Георгий
Михайлович Б-ский, учитель
земской школы, оказался в ар-
мии после объявления мобили-
зации. Согласно моему образо-
ванию второго разряда, я был
направлен в специальную шко-
лу, где мною были получены по-
гоны прапорщика.*

*Прибыв на Карпатский
фронт, мне дали роту. Сол-
даты в ней оказались обстре-
лянными и закалёнными в ав-
густовских боях. Про таких,
как я, здесь бытует поговорка:
прежде рылся в огороде, нынче
— ваше благородие.*

*От фельдфебеля Сиротя-
ги узнал, что участок этот
весьма спокоен, лишь изредка
«наши трёхдюймовые болта-
ют с ихними». В первый же ве-
чер австрияки не заставили
себя ждать и, как настоящие
хозяева, угостили нового гостя,
то бишь меня, батарейным
залпом из трёх дюймов.*

*Этим же вечером ко мне в
землянку завалились ближай-
шие соседи: справа — командир
4-й роты прапорщик Тарасе-
вич, слева — командир 2-й роты
подпоручик Грановский, с
тылу — командир артбатареи
подпоручик Сторублёв. Гра-
новский и Тарасевич из таких
же, как и я, один Сторублёв*

кадровый. Они прихватили с собой местного вина урожая девятьсот тринадцатого года, а у меня была чуть надпитая манерка с коньяком. Её мне наполнил один еврей, торговавший на станции в Шепетовке. Он клялся, что такого коньяка я не встречу, проехав всю черту оседлости от края до края. Честно говоря, коньяк оказался дрянным, но в дни «сухого закона» и это быстро исчезло со стола.

После выпитого знакомство наше стало протекать гораздо непринуждённее. Приятно удивил меня Сторублёв, бего набросавший карандашом на листе дружеский шарж, на котором наша скромная попойка превратилась в шумную пирушку. После того мы поклялись осуществить эту карикатурную буффонаду на деле, как только закончится война, где-нибудь в Будапеште или, как минимум, в Кракове.

Не обошлось без скабрёзных разговоров – вечных спутников пьяной офицерской среды. Грановский хвалился впечатлениями от любви в едущей по городу наглухо задёрнутой пролётке, при этом давая разного рода рекомендации. Сторублёв с Тарасевичем тоже не отставали. Пришлось и мне выкручиваться, выдумывать похождений. Не мог же я рассказать им, как все четыре месяца обучения ходил в увольнение с двумя товарищами в один приличный дом, где мы сколотили

мини-оркестр из моего кларнета, флейты прапорищика Вучетича и фортепиано хозяйской дочери. Не мог же откровенничать на тему нашей с Вучетичем одновременной влюблённости. Мы не знали с ним, кому из нас она отдаст предпочтение, а поэтому не ссорились, лишь ревновали друг к другу, ждали, когда она сама выберет. Но Бордовое Жабо (так мы её прозвали) оставалась одинаково любезна к нам обоим и к третьему нашему спутнику, музыкальными талантами не обладавшему, но готовившему себя к роли конферансье. Месяцы музицирования не прошли даром, и хозяйка дома назначила день и час для благотворительного концерта, разослала приглашения своим друзьям и родственникам. Злая судьба распорядилась по-иному. Нас подняли в казармах по тревоге и спешно посадили в эшелон. Мы не успели попрощаться с радушными хозяевами, не успели даже забрать свои инструменты из приютившего нас дома. Мы увезли только тёплые воспоминания и безмерную благодарность в своих сердцах... Не об этом же я должен был рассказывать в тот вечер? Не об этом...

Способности Сторублёва оказались гораздо выше, нежели легкомысленный дурашливый шарж. Через несколько дней я заглянул к нему в палатку, и он продемонстрировал мне несколько холстов,

измазанных художественным маслом. Здесь была пара батальных сцен, полдюжины недурных пейзажей с осенними мотивами. Сторублёв сказал, что уже несколько раз покрывал холсты грунтовкой, навсегда погребая под ней предыдущие летние пейзажи, и рисовал новые.

На следующий день после попойки я устроил смотр своей роте. Впечатление моё осталось хорошим. Солдаты упитанны, бодр, приветливы, на вопросы отвечали с готовностью. В тот же вечер, когда я осматривал вражеские позиции, в панораму моего бинокля попали развалины средневекового замка. Захотелось тут же броситься на их исследование, но, увы, они находились на стороне противника.

Прошла неделя, наш батальон был сменён. Радовала мысль, что Рождество удасться встретить не на передовой. Нас отвели в тыл, где располагался постоянный двор, состоявший из двухэтажного дома (таверны и гостиницы), конюшни, каретника, скотного двора, складов, погребов и флигелей. Мне досталась угловая комната на втором этаже, немного холодная, но всё же не перестающая от этого быть уютной.

Дни стояли один краше другого, безделье полностью овладело нами. Когда случались снегопады, я с удовольствием

выбегал на улицу в нижней рубахе и отбирал лопату у попавшегося солдата, а затем, разгорячённый работой, растирался снегом и бежал к себе в комнату. В другие дни я становился за двуручную пилу, колот топором чурки.

Перед Рождеством пришли посылки. Многим солдатам удалось получить «привет из дома», так что скоро можно было увидеть щеголявшего в новом шарфе унтер-офицера или хрустящего монпансье стрелка. Я старался не обращать внимания на вольности вроде меховых варежек или вышитого пояса.

В Сочельник из хутора прибежали ряженые. По двору пронеслось клокоцущее яркое облако мальчишек. Длинная шерсть на их накидках моталась из стороны в сторону, гудели сопелки, звенела карпатская дрымба. Сверкая, плыла под потолком гостиной Вифлеемская звезда на шесте. Детские голоса выводили праздничные колядки, а потом всё стихло, и зазвучал псалом, славящий Младенца. Мы одаривали детей, делясь с ними сладостями из наших посылок.

С наступлением темноты в гости пожаловала делегация из двух десятков нарядных девушек. Их колядки были ещё задорнее и краше. Красавец Грановский, щербача на суржи-ке, обнимал девушек и норовил расцеловать. Не всегда это у

него получалось. Резвые девушки вырывались из его объятий, скрывали румяные щёки за разноцветными шальями и скакали как молодые козы.

Вечером мы сели за праздничный стол. По привычке все называли сие действие разговорием, но на деле никто из нас Рождественский пост не соблюдал, это сложно в походе. Стол ломился от мясных и капустных пирогов, свежей оленины (спасибо казакам-охотникам), квашеной капусты, местных вин и креплёных наливок. Однако засидеться допоздна нам не удалось, наутро нужно было идти в ближнюю деревню к заутрене.

Туда мы добрались ещё затемно. За версту были видны горящие окна храма. Служба уже шла, и церковь, конечно, была переполнена. Мы построили роты на паперти перед распахнутыми дверьми, а сами протиснулись внутрь. Здесь мы узнали некоторых из колядовавших девушек, и Грановский изредка перемигивался с ними. На Богослужении было незначительное количество мужчин, по каким-то причинам не попавших под австрийскую мобилизацию. С поясами шириной в полторы ладони, они сжимали в свободной руке войлочные шляпы с перьями и диковинные «рогатые» шапки. Кажется, цивилизация так и не заглядывала в эти дремучие края.

Служба закончилась, на дворе рассвело, и наши солдаты отстояли длинную очередь на исповедь. Батюшка хорошо говорил по-русски, и исповедь моя прошла гладко.

Русл н з крыл тетр дь и, глянув н н ручные ч сы, отложил её в сторону. Он потушил н - стольную л мпу, н тянул покрыв ло до подбородк . Н полз вш я было дрём , испуг вшись пронзительного девичьего крик , влетевшего через открытую форточку, сбеж л , р створил сь в тёмных угл х дедовского дом . Перед окн ми что-то происходило: чей-то топот, возня, потом опять крик. Русл н торопливо выскочил н улицу, р зглядел в темноте две сплетённые борьбой фигуры и третью, девичью, меш вшую или помог вшую им. Русл н вклинился меж ними, р ссчитыв я, что постороннего не тронут.

— Ты-то чего сюда лезешь? — спросил один из п рней.

— Кул к ми, что ль, собр лись девушку делить? — ответил вопросом Русл н.

— Твоё к кое дело? Тебя зв ли? — кипятился всё тот же п рень.

Ко второму подошл девушк и, з глядыв я в его лицо, что-то спр шив л .

— Если по морде ему н д ёшь, т к он с тобой гулять будет? — спросил Русл н у одинокого п рня.

— Д тебе-то что? — всё т к же односложно твердил п рень.

— Р сходитесь, пок обоим не н веш л! — пригрозил Русл н.

— К к бы тебе не н весили! — злился одинокий п рень, видя, к к девушк уводит его соперни-к к .

Русл н постоял немного, твёрдо уверившись, что одиноч-к опять не погонится з п роч-кой и не з теет др ку. Он вер-нулся в дом и, поняв, что теперь точно не з снёт к кое-то время, снов р звернул ст рую тетр дь.

...После Нового года мы вер-нулись в окопы. За наше отсут-ствие здесь ничего не произо-шло. Только выросли снежные шапки на склонах Карпат. Но через неделю обстановка изменилась. Началось с мас-сированного обстрела. В неко-торых местах он вызвал снеж-ные обвалы и лавины. Наши стрелки, а в особенности пуле-мётные команды, встретили австрийцев дружным огнём. К тому же наступление неприя-теля затруднял глубокий снег. Солдаты противника утопа-ли в нём по пояс и, конечно, превращались в прекрасные мишени. Много увязших в снегу мы потом взяли в плен. Здесь были румыны и чехи, словаки и евреи, хорваты и словенцы, итальянцы и даже местные галичане. Один из них лопотал с нашими малороссами, гово-рил, что недалеко отсюда его деревня, и надеялся, что его тут же отпустят домой к жене и детям.

В безумных атаках прошло ещё два дня. Сторублёв жа-ловался, что снарядов на его батарее становится всё мень-ше, новых не подвозят. При этом он вспоминал начальные дни сентября, когда артил-лерийские парки, застревая в глубоких осенних потоках, раз-гружали до половины зарядные ящики и почти порожними прибывали на позиции. Долж-но быть, снаряды с тех распо-ловиненных обозов до сих пор лежат, замётённые снегами, где-то в галицийских лесах.

Сегодня 11 марта. Я закон-чил излагать всё, что удалось видеть, от первого моего дня до нынешнего. Теперь поста-раюсь записывать события по горячему следу, насколько мне это позволит походная жизнь. На днях получил пасхальную посылку от родителей. Поми-мо сладостей, там была на-стольная «писанка» в бронзовой подставке. Стеклоянное яйцо яркими красками радует глаз в моей серой походной землян-ке. Когда тихо и стреляют не-часто — вспоминаю Бордовое Жабо. Быть может, очередной выпуск прапорищиков сейчас по-кидает её город. Или кто-то иной осваивает игру на моём забытом кларнете.

28 марта 1915 г.

Пасху эту я запомню на всю жизнь. Конец затишью наступил 20-го числа. Бои шли два

дня, но даже с приходом Светлого Воскресения они не закончились. Пасха нынче совпала у нас и у католиков. Господь ещё не видел такого поругания. Две христианские державы не смогли прекратить войны даже на Светлый праздник. Наш участок удалось удержать, а вот у соседей произошла катастрофа. Г-ский полк на три четверти попал в плен, оставшиеся 400 человек в панике отступили. Против них действовали несокрушимые пруссаки, ими с зимы стали разбавлять австрийцев на нашем фронте. Ходят слухи, что на этом участке накануне было заключено негласное пасхальное перемирие, которое германцы вероломно нарушили.

15 апреля 1915 г.

Весна в долине, кажется, уже началась, но здесь погода стоит ещё зимняя. Снежный покров весьма толстый, чуть менее аришина. На завтра назначена атака неприятельской высоты. На всякий случай делаю эту крайнюю запись.

26 апреля 1915 г.

«Корреспонденцию» свою продолжаю в вагоне санитарного поезда. Умудрился принять сидячее положение и даже раздобыть у сестры милосердия карандаш. Уже второй день трясусь в вагоне. Хорошо, что

деничик передал мои личные вещи из блиндажа, а с ними и эту тетрадь. Но обо всём по порядку.

Атака наша началась в ночь с 16-го на 17-е. Батальон подобрался незаметно по склону, занял первую линию. Однако у неприятеля появилось подкрепление, и продвижение наше остановилось. Но позиций мы не покинули, сохранили за собой. Ещё день мы просидели в неприятельских окопах, забрасывая друг друга ручными бомбами. 18-го числа атака возобновилась. Как страшен рукопашный бой! Австрияки снова подтянули подкрепление. Мне удалось увидеть пресловутых сечевых стрельцов, о которых ходили слухи. Воины действительно стоящие. В кепи у них вставлены жёлто-голубые бумажные цветы, они сплошь добровольцы, бесстрашны, в плен почти не попадают, воюют отчаянно. Во время боя над окопами стояла отборная ругань, мало чем различная с нашей русской руганью. А порою, схватившись в смертельной схватке, наш солдат, призванный из Винницы или Полтавы, называл противника, вонзившего в него штык, «братко» и просил не убивать.

Вынужденно прекращаю письмо. Вагон временами сильно качает, всё ещё дурно себя чувствую, мысли скачут, да к тому же появился врач и велел отложить писанину.

30 апреля 1915 г.

Тем же днём (26 апр.) прибыли в Киев. Здесь раненых нашего поезда разместили по различным госпиталям. Я занимаю койку в приличной палате бывшей городской больницы, ныне переделанной под военный госпиталь. Впрочем, продолжу излагать судьбу своего попадания сюда.

После того как удалось отбить контратаку сечевых стрелцов, мы сами возобновили штурм высоты. Не прошло и получаса, как на наши головы обрушилась лавина, пуценная тяжёлой артиллерией. Нам пришлось бежать. Во время отступления я получил пулю в левую ногу, чуть выше коленного сустава. Солдаты, бывшие рядом, тут же подхватили меня под руки. Отправили с санитарями в тыл. Пуля хоть и оказалась разрывной, однако не задела кости и, что самое главное, коленного сустава. Ткани на ноге сильно разворочены, но должны вскорости зарастить. Рана чистая и не гноится.

2 мая 1915 г.

Ежедневно знакомлюсь со свежей прессой. Узнал, что под Горлицей неприятелем совершён губительный прорыв. Весь Юго-Западный фронт отступает, и, скорее всего, оставлена та самая высота, за которую

я расплатился раной, а многие мои товарищи – жизнью.

Сегодня отправил письмо домой. Хотел написать в уездный город, где проходил подготовку, адрес Бордового Жабо я помнил как молитву. Но потом засомневался, подумал, что она станет жалеть меня, само собой появится преимущество над Вучетичем. Хотя где он, Вучетич? Может, тоже на госпитальной койке или того хуже. В городе Бордовое Жабо окружают сотни, если не тысячи молодых, свободных, невоеннообязанных. Она наверняка забыла и меня, и Вучетича. И только мой молчаливый кларнет, быть может, ей изредка напоминает обо мне. Что ж, придётся и мне забыть.

10 мая 1915 г.

Рана моя опасения у врачей не вызывает. Передвигаясь с помощью костылей по коридору, заметил в окне дивную картинку: Киев утопает в майской первозданной зелени. Повсюду колокольни и купола. Ах, как скуден мой язык! Видимо, не суждено мне передать этой красоты, как не удалось описать и Карпаты.

18 мая 1915 г.

Ровно месяц, как я получил свою рану. Товарищи по палате говорят, что, скорее всего,

по выздоровлении получу отпуск. Мысль эта греет. Дерзновенно и тщеславно задумываюсь о награде. Перед глазами пример соседей по палате. Некоторых награждали прямо в госпитале, собирая весь персонал и ходячих больных. Что ж, может, и мои тайные молитвы Господь не оставит.

25 мая 1915 г.

Новости с фронта одна горше другой. О том, какие города нами оставлены, узнаём от новых раненых скорее, чем из газет. Сегодня драгунский ротмистр, прибывший в госпиталь накануне вечером, сказал, что 21 числа мы оставили Перемьшль.

29 мая 1915 г.

Сегодня из нашей палаты выписали поручика Гудкова. Сразу после врачебной комиссии он получил предписание возвращаться на фронт. В катастрофической обстановке не хватает не только офицеров, но и нижних чинов. О каком уж отпуске может идти речь? Чувствую, мне уготована та же судьба, что и Гудкову.

4 июня 1915 г.

Завтра врачебная комиссия. Может, последний раз ночью под сенью госпиталя.

7 июня 1915 г.

Оставляю подробности и сантименты: я в поезде по дороге на фронт. Возвращаюсь в свой полк. Получу ли снова свою роту или буду на новом месте – вопрос.

12 июня 1915 г.

Прибыл на позиции близ города Холм, на границе Польши и Волыни. Повсюду еврейские местечки, а в городах их три четверти населения. Остальная четверть поделена между русскими и поляками, малороссы живут лишь в деревнях. Иудеи сорваны войною с насиженных мест. Отступая вместе с нашей армией на восток, они ломают вековой устой черты оседлости.

Оставлен величественный Львов – столица Галиции. Выходит, пришлось потерять всё, что славно было завоёвано в августе-сентябре прошлого года.

14 июня 1915 г.

Стал знакомиться с личным составом. Вахмистр Чертович на месте, к моей радости. В строю пока ещё остались кавалеры Терехов, Бородович, Галлиулин, Пятаков. У некоторых уже по два «Егория». В рядах присутствовала масса новобранцев, чуть не половина роты. Подготовлены

они в краткий срок и обучены мало, к тому же вовсе не обстреляны.

20 июня 1915 г.

На фронте затишье. Мы укрепляем позиции, усиливаем маскировку. Старые фронтовики тренируют молодняк, ни дня без занятий. В небе много аэропланов противника, наших значительно меньше. Часто появляется цеппелин. Солдаты называют это «немец колбасу повесил».

2 июля 1915 г.

Жестокий артобстрел. Бои по всему фронту. Позиции значительно разрушены. Потерь много.

8 июля 1915 г.

Отступаем. Германцы применяют газы.

13 июля 1915 г.

Я заметил, как меняются мои солдаты. Мы покидаем владения Империи, но часто оставляем за собой выжженную землю. Эта вакханалия огня и бесхозяйственности портит солдат. Дома наверняка каждый из них был рачительным хозяином. Но здесь, когда им отдают приказы о сжигании хуторов и помещичьих усадеб, вся их природная

бережливость и экономия, воспитанная с материнским молоком, исчезает без следа. Вчера мы покидали хутор. Солдаты резали птицу и бросали безголовые тушки в охваченные огнём халупы, потому как армейский котёл был уже полон, а хранить птицу по такой жаре абсолютно негде. Без сожалений разламывалось и крушилось всё, что осталось в хатах. Мародёры обросли всякого рода скарбом. Господи, что будет с нами?

17 августа 1915 г.

Всё-таки решился написать о недавних событиях. С подачи вахмистра Чертовича, не раз приносившего мне разного рода «сувениры», изъятые в пустующих домах, я не удержался и ограбил целое поместье. Посоветовавшись с Грановским, мы решили не предавать всё огню, а вынести часть ценностей из барского дома и спрятать поблизости. «Жирный шматок» нам попался, как выразился Чертович. Солдаты вынимали из подрамников холсты и, свернув трубкой, мастерски упаковывали в дорогие фарфоровые вазы, а те, в свою очередь, обёртывали промасленным полотном и связывали шпагатом. Консервировались ковры и гобелены, бронзовые канделябры. Коллекцию старинного оружия и рыцарские доспехи окунали в топлёный

жир. В «схрон» пошли даже каминные часы и часть итальянского гарнитура. Яму вырыли на краю помещичьего сада. Солдаты сверху навалили кучу досок и прочего строительного хлама, всё это подожгли в надежде, что пепел скроет следы недавно потревоженной земли. Удастся ли кому-нибудь из нас вернуться к былому поместью после войны?

20 августа 1915 г.

Не покидает тревожное чувство. Душу терзают всякого рода суеверия. На передовой давно не служили молебен, а так хочется покаяться батюшке на исповеди. Может, отпустил бы священник мои грехи, стало бы легче.

29 августа 1915 г.

Опасения мои разрешились. Снова ранение. Правая рука цела, поэтому способен продолжать запись. Досталось в левый бок, вскользь прошло по груди, оттяпало верхнюю четверть уха.

2 октября 1915 г.

Положение на фронте, кажется, стабильное. Пруссаки более не напирают. За ним осталась Курляндия, Литва и всё Царство Польское. Из земель, захваченных нами в прошлом году, мы сохранили

только Тарнополь с уездом, а потеряли своей земли во сто крат больше. Жестокое поражение.

Руслан оторвался от зписей. Взглянув на циферблат, он удивлённо присвистнул и погасил свет. Под сомкнутые веки его ещё долго не мог пробраться сон, проплыв ли детские воспоминания: дедово лицо, его корноухая голова и обнжённый в летнем зное торс с зст релыми шрмами. Мелькнули в голове фотографии и плотное кртоне, с чёткими, невыцветшими линиями, гляцевые грммофонные пластинки с отпечатками чьих-то плещев, мёртвые бочки в рмкх з потускневшим пыльным стеклом, прн я соснов я иголки с кусочком розовой рождественской мишуры, н йденн я з плитусом...

Где-то н вернде до смого утрамышь противно грызл сухую половицу.

Проснулся Руслан в нчле девятого, но тк и не выплся. Н скоро умывшись и проглотив зхвченый из дому бутерброд, он вернулся к уходу з двором. Обкосил трву вокруг дом : теперь можно было пройти к плисднику и кустам млины. Прибавив новый крепкий брусочк фронтону вместо сгнившего, Руслан перевесил н него нтенну. Хотел было приняться з рсколотое н вернде стекло, но из-з боррздлся голос соседки:

— Долго спишь, лежебок .
В восемь приходил , стуч л тебе, хотел к з втр ку позв ть.
Сп л, н верное, не слыш л.
Иди, поешь-то у меня.

— Д я бутерброд перехв тил,
— говорил Русл н н ходу, уже пролез я к В лентине во двор.

Стол он н крыл , к к и вчепр , — н свежем воздухе. Пёс уг д л нед внего гостя, но всё же рывкнул «для порядку» дв р з . Русл н неторопливо ел, В лентин , ух жив я з ним, продолж л свои р спросы:

— Чего ж в прошлом году н встречу выпускников не приех л?

— В отпуске был. Когд Сл в к мне позвонил, я уже чемод ны п ков л. Путёвку с супругой в с н торий получили. Не хотелось её огорч ть, и путёвку было ж ль, не к ждый год к морю-то выбирать... Н роду много н встрече было, иль я один не приех л?

— Д нет, ты не единственный, но больше половины кл сс собр лось.

— Р сск жи, кто где. Ну, про Сл вку зн ю, про Ленку Орехову, про Ст с , про Генку ещё. А ост льные?

— Веденеев в Москве. Нед вно из Африки вернулся, пищекомбин т т м строил. Борщёв тут нед леко, в соседнем селе з муж вышл , второй р з уже. Одинцов — домохозяйк , в р й-центре живёт, з мужем к к з стеной. Кто ещё?.. Аникеев в ГДР, пр порщиком.

— Ну, сейч с-то, н верное, ст ршим пр порщиком?

— Этих подробностей не зн ю.

— А Вл сов служит ещё? Небось м йор уже?

— Ты что, не слыш л?

Русл н понял по её голосу недоброе и молч помот л головой.

— В прошлом году ещё. Борщёв д же н похороны ездил . Говорит, в з крытом гробу хоронили.

— А где погиб-то?

— Кто ж зн ет. Ск з ли: «При исполнении служебных обязанностей».

Русл н спр вился с едой. Немного посидели в тишине. В лентин перевел взгляд н опустевшую т релку и спросил :

— Вечером уезж ешь?

— Ещё ночку переночую. Чувствую — до вечер не упр влюсь. Н меч л много, д что-то всё не успеваю.

— Ты бы поменьше ночью свет п лил д пор ныше ложил-ся, глядишь — и успева л бы.

— Вон оно что, — изумился Русл н, про себя скл дыв я р ссып нный п зл со вчер шним пригл шением н ужин: и невзн ч й предложенный поздний ч й, и попытк с лкоголем, и трёхлетнее положение вдовы, и ночное з глядыв нье по окн м.

— А ты к к дум л? Отвык от деревенской жизни! — подтруни-вл В лентин , не дог дыв ясь о его мыслях. — Обед во сколько н крив ть?

— Ох, В ль, т кой з втр к поздний, что теперь до вечер

ничего не з хочу. Без меня полднич й, к ужину не обессудь, з явлюсь.

Русл н вернулся в дом и по ст рой привычке прилѐг после еды. Открыв тетр дь, он бегло подум л, к к бы снов не утерять счёт времени.

5 октября 1915 г.

Кажется, меланхолия моя осенняя потихоньку улетучилась. Прекратились дожди, теперь погоды солнечные, с лёгким утренним морозцем. Раны почти затянулись, и не за горами выписка. Приказ о награждении Анной 4-й степени! Кажется, даже письмо из дома не так обрадовало меня. Грешен, признаю. Теперь наверняка жалуют отпуском.

16 октября 1915 г.

Завтра убываю домой. Вещи собраны, обходной лист подписан. Новый китель, увенчанный наградой, приготовлен и примерен, ждёт часа, когда я обменяю больничный халат на него. Пребываю в волнении необыкновенном.

28 октября 1915 г.

Наконец дома. Более года не видел родных. Как радушно меня встретили! Почти ничего не изменилось. Тратить драгоценные минуты на письмо не намерен. Вернусь к запискам на фронте. Думать об этом

не хочется. Как и о Бордовом Жабо... но она настырно лезет в голову, особенно теперь, когда окружают меня не сырые окопные стенки, а мирные стены.

4 декабря 1915 г.

Я вновь на позициях. Охоты писать нет.

14 февраля 1916 г.

Газеты сообщают о немецком наступлении на Верден. У стен этой крепости в прошлую войну пруссаки одержали значительную победу и наверняка надеются, что история повторится. Самое время ударить и нашей стороне. Может, удастся обескровить германского зверя двойным ударом.

1 марта 1916 г.

Кажется, наступлению быть. Начались скрытые приготовления. У Вердена огромные жертвы с той и другой стороны. Газеты называют гигантские количества израсходованных снарядов. Если они не преувеличены, то как же выглядит земля, поглотившая всю эту массу взрывчатки? Обладай мы таким количеством артиллерийского припаса, не видать немцу ни Польши, ни Литвы.

31 мая 1916 г.

Фронт пылает, и мы идём вперёд. Но писать про это не

хочется. Надоели победные ре-
ляции в газетах. Что толку в
нескольких отвоёванных кило-
метрах земли и сотнях взято-
го в плен противника? В нача-
ле войны я думал, что именно
из этого складывается победа.

7 июля 1916 г.

Дело не только во фронтах,
располозовавших всю Европу.
Границы фронтов пролегли и
в наших душах. Мир никогда
не станет прежним, немец не
пожмёт руку француза. Евро-
па окончательно раскололась.
В этом году не устраивались
Олимпийские игры, людям не
до этого. А ведь по древним гре-
ческим законам всякая война
прекращалась на время про-
ведения Игр. Нынешняя война
не прекратится, случись даже
Всемирный потоп.

1 августа 1916 г.

Сегодня обнаружил в «Север-
ных записках» отрывки из пи-
сем некоего Н. Лигуна. Вполне
недурно, даже, я бы сказал, за-
мечательно. Жаль, но у меня
так не выйдет. Кажется, мно-
гие стали писать на этой вой-
не. Что ж, не буду исключени-
ем и продолжу.

9 ноября 1916 г.

Сказано в Священном Пи-
сании: «Поднимется народ на
народ». Но нынче люди одного

народа колотят друг друга.
Французы, призванные в гер-
манскую армию из Эльзаса
и одетые в серую немецкую
форму, стреляют во францу-
зов, одетых в синюю форму.
Австрийские и немецкие поля-
ки родом из Кракова и Познани
стреляют в русских поляков
родом из Люблина и Ченстохо-
вы. Сербь-босняки из Сараево
уничтожают белградских сер-
бов, трансильванские румы-
ны стреляют по валашским и
молдавским румынам, поволж-
ские и остзейские немцы поне-
воле убивают вестфальских и
голишинских немцев. О евреях
и говорить не приходится, рас-
сеянный по земле народ есть в
каждой армии. Наверняка те,
кто начинал эту войну, уже
трижды пожалели об этом.

16 ноября 1916 г.

Очередной отпуск – здрав-
ствуй, дом!

21 ноября 1916 г.

Когда ты вдали от фронта,
то в сознание, наконец, проса-
чивается всё то, что пережил.
Там ты существуешь с этим,
а здесь... Нет, и здесь ты не до
конца понимаешь, слишком
мало времени утекло, война
ещё ходит след в след за то-
бой, ещё наступает на пятки.
Быть может, должны пройти
годы, чтобы с холодным серд-
цем я сел за правдивые записи.

Не отпускает один эпизод из минувшего лета. Мы заняли небольшую деревеньку в отрогах Карпат. Местные крестьянки радовались, как и осенью четырнадцатого. Мои солдаты шутили, мол, вернись завтра сюда венгры, вы и к ним будете столь же любезны. Стали на постой к семье, где пожилые родители и куча детворы. Но старшая дочь не походила лицом ни на отца, ни на мать. Что-то тонкое было в её чертах, может быть, даже благородное. Мало того во внешности, но и походка, и все движения были иными. Не было деревенской угловатости или излишней стремительности, присущей всем крестьянам. Всё у неё было плавно, ровно, будто манерно. Чувствовалась порода. Я подумал, что это сирота, усыновлённая стариками. Кто-то из наших по своему природному неразумению ляпнул старому гуцулу: «Отчего, папаша, Христя твоя такая ладная? В соседа, что ли?» Старик изменился в лице, а у меня мелькнула догадка, что дочь наверняка нагуляна от какого-то местного паныча.

Я как-то сразу и невольно сравнил её с Бордовым Жабо. Нет, они, конечно, абсолютно разные, но было в этой селянке то, из-за чего я вдруг представил её своей спутницей, тем паче, что будущее с ней казалось гораздо правдивее, чем с Бордовым Жабо.

Если и было что-то прекрасное, виденное мною на этой войне, так это лицо Христи.

12 декабря 1916 г.

Умер Джек Лондон, один из лучших писателей нашей современности. В начале Русско-японской войны он в одиночку переплыл на утлой джонке Жёлтое море и сошёл на корейский берег. Торопился к морскому сражению, но трубы «Варяга» уже омертвело торчали из морской пучины к его приезду. Настоящий искалеченный герой и храбрец. Писал о том, чем всегда жил. Но в эту войну как-то умолк и на фронт ни разу не попал, видать, поостыл перед смертью.

Война, война, всё тебе подвластно.

За период этой войны смерть гуляла не только на фронтах: Сергей Витте, Александр Скрябин, Пётр Дурново, Константин Маковский. Только за этот год умерли Василий Суриков, Иван Франко, Илья Мечников, Генрик Сенкевич и вышеозначенный Лондон. Смерть не щадит даже императорскую кровь. Франц Иосиф увидит, чем закончится эта война, с небес. Или из преисподней. Прощай, старик, ты прожил долгую, но, увы, несчастную жизнь. Своим примером ты доказал человечеству, что счастье людское не в богатстве и власти.

Вскорости убываю на позиции. После некоторых колебаний решил оставить свою тетрадь с записками. Что-то подсказывает – это моя последняя поездка на фронт. Спрячу тетрадь в укромное место. Может, кому-то она попадётся на глаза. Я, быть может, буду счастлив, если перед тем как пустить её на сигарки или на растопку печи, её хотя бы бегло просмотрят. Но, скорее всего, мне будет всё равно.

30 июля 1917 г.

Вновь дома. То, что я видел за последние три недели, покрывает два с половиной года войны. От времён Петра Российская армия не опускалась до таких низостей, и хочется верить – более не опустится. Если только устоит на ногах.

Мне пришлось скрытно бежать из полка ночью. Я раздобыл солдатскую форму и пристал к одной ватаге, где меня никто не знал. Остаться на фронте я уже не мог и не видел в этом сколько-нибудь нужной необходимости. Солдаты распоясались. Имея оружие, они реквизируют продукты в тех хуторах, через которые нам приходилось идти.

В тылу стали создавать заслоны против таких шаек, как наша. Близ одного селения я отстал от своей группы. Ночью, постучав в окно приличного дома, я битый час переговаривался с хозяином через запертую

дверь, убеждая его, что я вовсе не солдат, а бывший офицер, дезертировавший поневоле. Мне удалось купить у хозяина его мещанский костюм, для этого пришлось отдать свою «Анну» и ещё кое-что из личных вещей. Так, распродав в дороге всё, что имел (карманные часы, перстень, серебряный портсигар), я добрался до дома. Хочется верить, что война для меня закончилась и это последняя запись в тетради.

4 ноября 1917 г.

Кажется, конец. Сегодня прибыл из города. Благодаря царящим в нём слухам и расклеенным на столбах листовкам узнал, что власть захватили большевики и провозгласили Декрет о мире. Из нового правительства будет толк. Решён самый насущный вопрос! Скоро заключат перемирие, и солдаты вернутся домой. Конечно, мирный договор будет для нас тяжёлым и унижительным, но и вести войну с тем воинством, что я видел в июньские дни, совершенно невозможно. Славься, новое правительство!

9 марта 1918 г.

С войной покончено. В Брест-Литовске подписали мир. Говоря о тяжести мирного договора, я и предположить не мог масштабы потерь. Огромные контрибуции! Территория,

население, посевные площади! Катастрофа, кошмар, унижение. Не так плохо мы вели эту войну. Воистину звериные аппетиты у Германии! Потомки не простят нам этой неудачи. Но самое главное: с подписанием мира страна наша не увидела мирной жизни. На Дону, Кубани и Кавказе стреляют.

16 мая 1918 г.

Месяц назад перебрался в уездный городок. Пройдя пролетарские курсы, устроился в школу рабочей молодёжи. Жалованием назначен скудный паёк. Большевики решили искоренить товарно-денежные отношения. Обо всех преобразованиях писать не стану: не хватит тетради.

Западные губернии вплоть до Смоленска, Брянска и Курска оккупированы немцем. Финляндии дана вольная, и там тоже хозяйничает пруссак. Немцы в Пскове и Нарве. Столицу в марте перенесли из Петрограда в Москву. Немудрено. Кто захочет держать столичный аппарат поблизости с границей? В Закавказье хлынули турецкие орды, и теперь армянам конец. Страна скукожилась до размеров Московского княжества эпохи Василия Тёмного. И времена наступают тёмные, средневековые.

22 апреля правительство объявило о вводе обязательного

всеобщего военного обучения, таким образом, вернулась царская воинская повинность. Поторопился я проститься с армией и войной.

9 июня 1918 г.

Мобилизация объявлена. Набирают пока нижние чины. Многие вступают добровольно.

28 июля 1918 г.

В «Известиях» за 23-е число вышла статья Троцкого, в ней он настаивает на принудительной мобилизации бывших царских офицеров, так как они получили своё образование благодаря трудовому народу, а значит, теперь должны послужить этому самому народу. Чувствую неизбежность. Задумывался о побеге, но куда?

31 июля 1918 г.

Мобилизовали как «военного специалиста». Завтра выступаем в соседний город, где формируется полк. Тетрадь снова не беру. Вернусь и опишу всё, что видел, а если нет... что ж, тогда – точка.

3 мая 1923 г.

Сижу целый час и не знаю, с чего начать. Во-первых, я жив. Во-вторых, жива моя тетрадь, и не продолжит записи я не могу.

Русл н посмотрел н ост вшиеся стр ницы — ч с н полтор , не больше.

Вечером, после ужин , его, конечно, тянуло к тетр ди, но Русл н проявил выдержку и орг низов л с мов р. Снов гудели жуки в листве и гремели вд ли б р б ны, молодёжь снов ш г л к площ дке. Туд же, подняв уличную пыль, прот р хтело несколько мотоциклов. В лентин то ли в шутку, то ли всерьёз предложил сходить н т ницы — тряхнуть ст риной.

Сумерки р створили свои сучующие объяття. К литк т нц площ дки ещё был з перт изнутри, музык нты отстр ив ли инструменты, кругом клубился н род вперемешку с техникой. Девушки в лёгких пл тьях и с р ф н х, п рни в цвет стых руб х х с острыми воротник ми, одинок я «Jawa» в кольце «Восходов» и «Минсков». Н «ГАЗоне» прямо с поля прик тил толп пыльной и р згорячённой молодёжи. Следом з ними — вс дник, мест в кузове не хв тило, может, привычней для него верхом. Спрыгнул с лош ди, примот л узду к фон рному столбу. З лихв тские усы, з г р бронзовый, кр сн я м йк и зелёные рмейские шт ны, кудри под широкополой тропической п н мой. Н шнурке к проновом н конечник стрелы болт ется — любим я д рил (н свёкле в поле н шл), когд в рмию провож л . Дожд л сь ли?

Здесь же ст рушки мирно сгрудились, любятояся, молодость помин ют. Приезжих

среди молодёжи нем ло. Тут тебе и д чники, и детвор , что к б бк м-дедк м н к нукулы прик тил . А в нынешний год стройотряд студенческий приех л. Местный дед Щук рь побсенк ми их р звлек ет:

— Лет з пять до того, к к ц ря скинули, — случ й был. А зим в тот год выд л сь! Морозы т кие — ж колор дский жук в земле помёрз!

— Дед, т к ведь не было тогд колор дского жук ещё, — посмеив лись студенты.

— К к не было? Был! — упи рлся дед. — Он тогд только через пять годов опять появился.

— Откуд ж он взялся?

— От соседей прилетел!

— Т к он же не лет ет!

— Не лет ет? А крылья ему н что?

Чуть в стороне быв лый студент в штормовке с н шивк ми з несколько стройотрядовских сезонов н дорогой импортной гит ре исполнял Высоцкого. Перед ним н корточк х т кие же стройотрядовцы и п р местных боригенов, бывших к торж н. Едв песня стих ет, один хлоп ет т туиров нной рукой певц по плечу:

— Ты н гит ре, что доктор по л тыни.

С т нц площ дки уд рил первый ккорд. Медленный блюз пок тился н д округой. Под толком эстр ды висели л мпочки, с модельно выкр шенные в р зные цвет . Перекрестье из т ких же гирлянд было протянуто и н д площ дкой. Пожил я

билетёрш , что сидел н своём месте ещё во времен молодости В лентины и Русл н , с улыбкой пропустил их без билет .

Отыр нные ноты сып лись из-под п льцев гит рист , з ли- в ли площ дку. Девичьи «лодочки» пош ркив ли в дуэт х с ту- поносými ботинк ми н высоком к блуке. В лентин предложил пот нцев ть. Русл н скромно взял её з з пястье, к к когд -то во времен школьных вечеров. Рядом п ртнёршу тесно приж л к себе ус ч в выцветшей рмей- ской п н ме. Девушк одной ру- кой охв тил его шею, н кото- рой болт лся н конечник стрелы н шнурке, другой держ л з голое пок тое плечо. Бретельк с р ф н у неё сползл , и Рус- л н заметил з кр ем тк ни по- лянку белой, не тронутой солн- цем кожи. «Не позднов то ли по т нц м шляться?» — подум л Русл н и после песни уговорил В лентину идти домой.

Вечер выд лся ещё теплее, чем н к нуне. М йские жуки скоро проп ли, и вместо них всё ч ще мельк ли летучие мыши. Н д крыш ми нез пертых кур- ятников отцвет ли последние петушинные с люты. Цепные со- б ки, продрем вшие весь день в тени з боров, з вели долгую ве- чернюю переключку. Ну к к тут отк жешья от вновь предложен- ной рюмочки «с уст тку»?

Ч с в три ночи Русл н вне- з пно проснулся. Из вишнёвых з рослей соловей р зм тыв л не- торопливую трель. Тетр дь покоя не д в л . Тревогу не з глушил

д же лกอฮอล์. Русл н з жёг в комн те свет, с ж дностью р с- крыл тетр дь.

Предьдущая война нас мно- гому научила: жестокости, грабежу, мародёрству, обесце- ниванию человеческой жизни. С фронтов Мировой войны мы вернулись по домам и здесь продолжили делать всё то, к чему привыкли там.

Половину зимы и почти всю весну девятнадцатого года я провалялся в госпиталях, страдая от «испанки» и сыпня- ка. Затем долго околачивался в запасном полку. Весной двад- цатого года, когда с запада на- пирала воскресшая Польша, наш полк перебросили на Укра- ину. Там судьба меня свела с Грановским. Иногда мы вспо- минали отдых на постоялом дворе в Карпатах или другие случаи, и нам казалось, что это было в другой жизни или вовсе не с нами.

Мы в третий раз проходили по Галиции. Местность была незнакомая, но всё же вско- лыхнула во мне неприятные воспоминания, что пережил я летом семнадцатого, когда бе- жал с фронта переодетым сол- датом. Тогда, по горячему сле- ду, я не записал той трагедии, не записал и зимой двадцать первого года, когда вернулся с войны. Теперь, чувствую, сле- дует. Я хотел бы не вспоми- нать о ней, но то, что сидит в моей голове, должно осесть и на бумагу этой тетради. Мне

надо выговориться, как перед священником на исповеди.

До сих пор дрожит перо в моих пальцах. Не могу продолжать. Надо успокоиться.

З тем в тексте шло несколько тщ тельно вым р нных предложений.

7 мая 1923 г.

И снов бз ц, з литый чернил ми.

15 мая 1923 г.

Покончить с этим повествованием и больше никогда не возвращаться. Надеюсь, хватит духу дописать до конца.

Мне довелось встретиться с Христей ровно год спустя после того, как наша рота стояла на постое в их деревне. Я сразу узнал её (эту деревню) и хотел обойти, боялся, что Христя или её отец увидят меня в таком неприглядном виде, с толпой трусов-дезертиров. Мои новые «приятели» стали упрекать меня за то, что хочу отделиться от компании.

Над деревней стоял дикий вой: вопли, одинаково похожие на то, когда заживо режут людей и когда коты занимаются любовью. Мы зашли в деревню и попытались купить еды, но денег у нас было немного, и никто не соглашался продать нам её. Тогда дезертиры стали брать

силой еду, одежду, выпивку, кое у кого ботинки и часы. Где грабёж, там и насилие. В доме у Христи раздался старческий вой, а затем выстрел. Я прибежал во двор и видел, как покорную Христю уводили в клюню, а старик стоял на коленях у порога собственного дома и вымаливал неродную дочь у ошалевшей толпы. Над головой его, в дверной доске, свежей щепой зияла пулевая дыра, и верзила в драной шинели, наставив ствол, ругал старика, клялся, что прибьёт его, если тот не успокоится.

Я пошёл за толпой в клюню. Христя была спокойна, не выбивалась и смирилась с тем, что должно было с ней произойти. Она посмотрела на вход, где появился я, и, возможно, узнала меня... или мне просто так показалось. Я вытащил револьвер не сразу, я ещё колебался. Видел черноволосый затылок под подбородком у Христи и чувствовал свою жалкую беспомощность. Взгляд с меня она так и не сводила. Я не выдержал этого взгляда и, наконец, достав револьвер, с первого выстрела погасил его.

Чёрный загривок встрепетнулся, а через секунду уже вымещал на мне злобу и перелитый страх – он подумал, что метился я изначально в него, охаживал меня сапогами и кулаками. Я прикрывал голову от ударов и думал: если и сделал я что-то хорошее на

этой войне, так только этот единственный выстрел.

1 июня 1923 г.

Война продолжается до тех пор, пока жив её последний солдат. Не помню, кто сказал это, но очень точно. Ощущаю на себе. На Первомай после митинга меня пригласила одна сотрудница к себе в гости. Я остался до ночи и вдруг понял, что абсолютно бессилён. Я не способен продлить свой род, а значит, война продолжает убивать меня. Это ничего, что я выжил под бомбами и пулями. Это ничего не значит.

Постоянно копаюсь в себе. Недавно взбрело в голову съездить в уездный город, в котором не было девять лет, и отыскать там Бордовое Жабо. Глупо, конечно.

Одно время думал поехать в Галицию и отыскать могилу Христи. Но Галиция нынче в Польше, кто меня туда выпустит? Да и это, чувствую, не поможет мне. Христина меня давно простила. В тот момент, когда я спускал курок.

Всё чаще вспоминаю свой кларнет. Убеждаю себя, что стоит поехать хотя бы для его возвращения. Но снова ругаю себя. Бордовое Жабо унеслась в неведомые дали, может, даже прочь из России. Ветра революций и грозы войны выдули из страны колоссальные массы. Уютная квартира дав-

но уплотнена, а кларнет мой выменяли на пару селёдок.

28 июня 1923 г.

Годовщина начала Балканского кризиса.

Символично для моего мероприятия. Начало войны и моей болезни.

Получил отпуск. Решился. Еду.

19 августа 1925 г.

Не припомню такого светлого Спаса. Могла бы получиться неплохая заглавная строчка для рассказа. А настроение такое, что хоть стихи пиши, не говоря уж о рассказах. И дальше по тексту шло бы в нём так: даже в царские дни, когда благовест ласково звал к молитве, когда тихие церкви набивались народом и на столах у канона росли груды яблок, груш и прочих райских плодов, не было в воздухе такого торжества и счастья.

На днях просмотрел свою тетрадь из конца в конец. Понял, что если не допишу этих строк, то сильно разочарую того, кто их когда-то, возможно, прочтёт. Скажет мой неведомый читатель: и что же, отыскал Бордовое Жабо? Только для тебя, мой друг, и пишу — отыскал.

Её и вправду уплотнили, но сквозняком из страны не выдуло. Я представлял её совсем

иной. С печатью лет, возможно, замужней, неузнаваемой. И глазам не поверил, когда увидел. Она осталась прежней, лишь чуть повзрослевшей, и бордового жабо не было. Годы военного коммунизма, оставившие след на всех нас, её не коснулись, будто она выехала временно куда-то. Это меня несказанно смутило. Весь план разговора, который я долго выстраивал и думал, что по нему, как по театральному сценарию, пойдёт наша беседа, рухнул.

Меня она не узнала. И это меня ещё больше смутило. Когда сказал про кларнет – вспомнила, обрадовалась, стала радостно галдеть, в общем, окончательно превратилась в ту Бордовую Жабо. Это меня окончательно смутило. Я хотел уже бежать от неё, но она задержала меня, проводила в свою разделённую перегородкой комнату, вынула из комода мой кларнет. Тут же попросила сыграть. За стеной кто-то сильно ругался, из кухни неслись переговоры соседок и пахло жареным луком. Я достал кларнет из футляра, но так и не приложил мундштук к губам. Она заметила моё напряжение, больше не настаивала на игре. Когда я собрался уходить – не задержала.

Я вышел из их уплотнённого дома, пробежал в конец улицы и рассадил вдребезги кларнет об угол какой-то кирпичной

конторы. Потом ушёл на вокзал и сел в ожидании поезда. Там она нашла меня. Моя Судьба. Распознала, первой заговорила. Потом, через месяц или два, она призналась мне, что увидела на скамейке несчастного человека. Ей не хотелось тогда найти потенциального мужа для себя или отца для её двухлетнего мальчика. Говорила, что на секунду забыла свои горечи и разглядела во мне кого-то несчастнее самой себя.

Я прожил у неё неделю, а потом перевёз к себе. Вот уже два года они с мальчиком лечат меня. Они просто живут со мной под одной крышей. Детёныша я считаю своим, и он, кажется, забыл время, когда у него не было отца.

Надеюсь, теперь война навеки позади. Для меня и моих потомков. Мелким конфликтам, конечно, быть, но такой бойни, как недавняя, – Земля больше не вынесет.

Война отпустила меня, но всё же спустя десяток лет шлёт прощальные приветы. Недавно писали газеты о новостях из Польши. При разборе завалов в Осовце из тёмных глубин каземата раздался глухой голос: «Стой! Кто идёт?» Это оказался русский солдат. Питался он все годы тушёной, а пил сгущённое молоко. Солдата поставили часовым к складу, но, когда наша армия покидала осаждённую крепость и взрывала укрепленные

капониры, о нём попросту забыли. Он провёл девять лет в каменной темноте, но разума и счёта времени не потерял, службу и Устав помнил твёрдо. Настаивал на том, чтобы вызвали Государя Императора, ведь только он может снять его с поста, да ещё разводящий, но тот, наверное, уже давно погиб. Солдату с трудом объяснили, что страны и императора, за которых он сражался, уже давно нет, а когда вывели на свет, он сразу ослеп. Конечно, слабо верится, чтобы человек после девяти лет заточения, умирающий от одиночества, не бросился к своим освободителям с объятиями, а встретил их по Уставу. С другой стороны, зачем полякам врать и выдумывать красивую легенду про стойкость русского солдата? Ненависти между нашими народами ещё на целый век хватит.

Долго ли будет откликаться та война запоздалым эхом?

Кажется, добавить более нечего.

Руслн перевернул последнюю стр ницу.

Зн ет ли отец, что дед ему не родной? Руслну вдруг ст л понятн холодность между дедом и отцом в последние год-два перед смертью дед . Но с кем её не случ ется? Дед, к к большинство

ст риков, ст л св рлив, мелочен, придиричив. Хотя он не утр тил р зум , д же перед смертью всех узн в л и ост в лся при п мяти. Дед не мог открыть отцу пр в ды, ведь тогд вои н снов бы вернул сь к нему, её дед боял ся больше, чем смерти. Р з дед унёс т йну с собой, то и Руслн не впр ве пок зыв ть этот дневник отцу.

А если отец уже н шёл тетр дь? Почему не пок з л её Руслну? Может, просто положил туд , откуда взял с м, в н дежде, что если не Руслн, то с м тетр дь со временем н йдёт его.

П мять Руслн выц р пыв л из т йников д лёкого детства к кие-то укромные кусочки, и он не мог ск з ть точно, было ли это н с мом деле или р зум его рожд л вымышленные к ртинки. Большие пр здники собир ли их всей семьёй з н крытым столом у дед . Священный для отц м йский день, звенящий мед лями отцовский пидж к, его торжественный гордый взгляд. И совсем иной взгляд дед , словно винов тый или ж лкий д же. Руслн и теперь бы не смог р спозн ть его, этот взгляд.

Н улице свет ло, ходили по полу и стен м корявые тени, рожд емые мебелью. В них чудились фигуры безмянных воинов исчезнувшей империи, солдат неизвестной Великой войны.